

В.А. Ильиных

**СИСТЕМА НАЛОГОВО-ПОДАТНОГО ОБЛОЖЕНИЯ СИБИРСКОЙ
ДЕРЕВНИ В КОНЦЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ, ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ**

Реализация сталинской модели модернизации России в значительной мере обеспечивалась тотальной перекачкой материальных и людских ресурсов деревни в индустриальный сектор. Налогово-податное обложение крестьянства являлось стержневым механизмом данной перекачки. Весомый вклад в осуществление индустриализации страны в 1930-е гг., достижение победы в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства внесли сибирские крестьяне.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении базовых принципов, функциональных особенностей и этапов развития налогово-податной системы сталинского социализма в сибирской деревне в период с конца 1920-х – по начало 1950-х гг. включительно¹. Ограничивая территориальные рамки исследования Сибирью, которая являлась важнейшим сельскохозяйственным районом страны, следует иметь в виду, что в исследуемый период налогово-податная политика, как на ее территории, так и в других регионах России, проводилась по единому алгоритму, который задавался из Центра и им же жестко контролировался. Каких-либо принципиальных отличий в ее реализации в Сибири не было, и поэтому проведенный в данной работе анализ вполне репрезентативен по отношению к стране в целом.

Нижеизложенные положения и выводы основаны на анализе представительного корпуса источников, состоящего как из опубликованных материалов, так и архивных документов, извлеченных из фондов региональных сибирских (ГАНО, ГАОО, ЦДННОО, ЦХАФАК), а также федеральных (ГАРФ, РГАЭ, РГАСПИ) государственных архивохранилищ. При этом базовыми группами источников послужили принятые центральными и региональными

¹ Детальный анализ указанной проблемы проводится в монографии В.А. Ильиных «Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг.», которая будет издана в 2004 г.

органами партийного, государственного и хозяйственного управления законодательные, нормативные и подзаконные акты, а также налоговая и заготовительная статистика.

Функционирующая в СССР в конце 1920-х – начале 1950-х гг. система налогово-податного обложения деревни в широком смысле представляла собой совокупность политических, экономических и правовых отношений, связанных с изъятием земельной ренты у непосредственных сельскохозяйственных производителей, в узком смысле – совокупность конкретных налогов, сборов и податей, которые можно дифференцировать по нескольким основаниям. По форме платежа они были денежными и натуральными, по субъектам обложения – коллективными, похозяйственными и подушными. Помимо налогов и податей, обязательность уплаты которых оформлялась законодательно, существовали натуральные и денежные сборы, де-юре считавшиеся добровольными, но де-факто имевшие налоговый характер.

Базовыми принципами налоговой политики сталинского режима являлись: а) изъятие у производителей не только прибавочного, но и части (иногда значительной) необходимого продукта; б) внеэкономическое принуждение (включая прямые репрессии), применяемое как основной способ изъятия; в) рефеодализация системы налогообложения деревни, которая заключалась в возврате к присущей для феодализма сословному, групповому, натуральному и податному характеру обложения. Подать представляет собой примитивную форму налога, объектом обложения которой является не доход, а человек или отдельные виды имущества (посев, скот). В рамках налоговых заготовок государство отчуждало непосредственно натуральный продукт, а не деньги, вырученные от его продажи. Сословность взимаемых в деревне натуральных и денежных налогов и сборов заключалась либо в принципиальных особенностях обложения различных категорий налогоплательщиков (по существу сословий), либо в непосредственном обращении к одной из них. Поскольку колхозы являлись созданными сталинским режимом производственно-фискальными объединениями крестьян, взимаемые с них налоги и подати фактически являлись коллективными.

Налогово-податное обложение деревни выполняло три основные функции: мобилизационную, социально-регулирующую и психологически-трансформационную. Непосредственной функцией налогов и податей было сосредоточение в руках государства (мобилизация) максимально возможного объема ресурсов для их последующего перераспределения в пользу индустриального сектора экономики. Увеличением тяжести обложения той или иной социальной группы деревни правящий режим добивался ее разорения и ликвидации (применительно к зажиточному крестьянству и единоличникам) или предотвращал их обратное окрестьянивание (применительно к колхозникам). Не менее важной, с точки зрения перспектив существования режима, задачей налогово-податной политики являлась радикальная переделка традиционной хозяйственной ментальности крестьянства. Мотивация на первоочередное удовлетворение потребительских нужд семьи, кооперативно-артельные начала коллективного труда должны были быть заменены установкой на безусловное и полное выполнение многочисленных натуральных и денежных обязательств перед государством («первой заповедью»). И только после этого следовало думать о себе, своей семье, односельчанах.

В качестве инструментов «социалистического перевоспитания» крестьян режим использовал не только и не столько убеждение, сколько административное принуждение и даже голод. Вызванный сверхнормативным изъятием продовольствия и денежных ресурсов, голод, как абсолютный (полное отсутствие продуктов питания), так и латентный (хроническое недоедание, острый недостаток в рационе белков и витаминов), являлся постоянным спутником системы налогово-податного обложения деревни. Нехватка продовольствия стала ощущаться в сельской местности ряда районов Сибири уже летом 1928 г. В начале 1930-х гг. голод в регионе не прекращался, временами и местами переходя в голодомор. В середине и второй половине 1930-х гг. голод приобрел преимущественно очаговый характер. Им практически каждый год были поражены неурожайные районы Сибири. Зимой 1940/41 г. на юге Западной Сибири начался сильный голод, по своим ужасам напоминающий ситуацию 1931—1932 гг. После него сразу же последовали перманентно

голодные военные и послевоенные годы, среди которых особенно выделялся 1947. Продовольственное положение сибирского крестьянства, относительно стабилизировавшееся в конце 1940-х гг., вновь ухудшилось в начале 1950-х.

Становление налогово-податной системы сталинского социализма со всеми ее характерными чертами, функциональными особенностями и сопутствующими элементами пришлось на конец 1920-х гг. В это время был осуществлен переход от коммерческих к налоговым методам заготовок сельскохозяйственных продуктов. В 1928 г. в качестве инструмента внеэкономического стимулирования крестьян к сдаче произведенной продукции применялось уголовное преследование по 107 статье УК РСФСР, в начале 1929 г. – «бойкот». Весной 1929 г. правящий режим перешел к «урало-сибирскому» методу, суть которого состояла в подворной разверстке заготовительного задания с последующим административным или уголовным преследованием за его невыполнение. В начале 1930-х гг. основным способом изъятия сельхозпродукции у колхозов и единоличников стала контрактация, которая приобрела характер разверстываемой натуральной подати. Составным элементом контрактационной системы стали т.н. встречные планы, представляющие собой навязываемые в ходе заготовительной кампании сверху дополнительные задания по сдаче продукции.

Основное содержание реформирования системы денежных налогов и сборов в конце 1920-х – начале 1930-х гг. заключалось в увеличении их числа, в т.ч. за счет превращения ряда добровольных платежей в обязательные, и переходе на принципы сословного обложения. Помимо введенного в 1923 г. единого сельскохозяйственного налога с единоличников и колхозников стали взимать самообложение (до начала 1928 г. было добровольным) и сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства (с 1931 г.). В это же время формально остающиеся добровольными государственные займы превратились в разновидность денежного налога.

При взимании обязательных налогов и сборов в качестве особых субъектов фискального права с отличным от других порядком налогообложения рассматривались кулацкие хозяйства, трудовые единоличные хозяйства, личные

хозяйства колхозников, колхозы. При этом в рамках каждой из перечисленных категорий выделялись группы, облагаемые по различным нормам и имеющие различный набор льгот или без таковых. В 1929/30 окладном году хозяйства, относимые в разряд кулацких, подразделялись на «явно кулацкие» и «наиболее богатые» из них. До 1931 г. для части трудовых единоличных хозяйств (зажиточных середняков) применялись процентные надбавки к исчисленной сумме сельхозналога. В то же время деревенская беднота от его уплаты освобождалась. Достаточно существенно отличались нормы обложения коммун, сельхозартелей и тозов. Сословный характер был присущ не только денежным налогам и сборам, но и натуральным податям.

Господствующей тенденцией изменения уровня налогового-податного обложения деревни в конце 1920-х – начале 1930-х гг. было его увеличение. При этом его тяжесть распределялась неравномерно. В конце 1920-х гг. львиная доля денежных налогов и натуральных податей возлагалась на зажиточных крестьян. Усиление в отношении их податного гнета, который сочетался с мерами по ограничению возможностей хозяйственной деятельности и жестким политическим прессингом, еще до официального объявления перехода к политике «раскулачивания» привело к фактической ликвидации кулачества как особой социально-имущественной группы в составе крестьянства. Несмотря на это, в начале 1930-х гг. продолжился поиск дворов, которые можно было причислить к данному разряду.

Однако в силу того, что подобных хозяйств выявлялось крайне мало, их обложение не имело сколь-нибудь существенного фискального значения. В этих условиях основная и все возрастающая тяжесть налогового бремени обрушилась на колхозы. При этом доморощенная советская власть вела себя как оккупационная, выгребая из колхозов не только продовольственные и фуражные, но даже семенные фонды. Реализация подобной политики обеспечивалась тотальными репрессиями.

Чтобы придать экономике колхозов поступательное развитие, правящий режим пошел на реформирование системы налоговых заготовок, заменив в конце 1932 – начале 1933 г. контрактацию основных видов

сельскохозяйственной продукции (в Сибири – зерна, картофеля, подсолнечника, мяса, молока и шерсти) их обязательными поставками, которые имели юридически оформленный налоговый характер. Официально провозглашенный после введения госпоставок запрет местным властям и заготовительным органам налагать на сдатчиков дополнительные заготовительные задания остановил вакханалию «встречных» планов и внес в систему натурального обложения определенную упорядоченность. Однако государство само фактически нарушало введенный запрет, возлагая на налогоплательщиков еще ряд натуральных податей – натуроплату за работы МТС, госзакуп, гарнцевый сбор.

В 1934 г. изменилась направленность социально-трансформационной составляющей налоговой политики государства. К этому времени приблизительно треть крестьянских хозяйств России и столько же в Сибири, пережив бурю и натиск первых лет коллективизации и адаптировавшись к создавшимся политико-экономическим условиям, сохранило свое единоличное состояние. В ответ на это правящий режим фактически перешел к ликвидации класса крестьян-единоличников. Основным инструментом их разорения стало денежное налогообложение, которое приобрело откровенно реквизиционный характер. Самые высокие налоговые ставки предназначались для единоличников, владеющих рабочим скотом. В Сибири это в абсолютном большинстве случаев была лошадь, которая позволяла своему хозяину найти заработок на стороне (перевозка пассажиров, грузов, работа на строительстве, лесоразработках и т.п.). В 1938 г. помимо надбавок на рабочий скот, применяемых в рамках действующих денежных налогов, учреждался специальный государственный налог на лошадей единоличных хозяйств.

Усиление налогового пресса вызвало нарастающее сокращение числа единоличников и к началу 1940-х гг. индивидуальное крестьянское хозяйство в том виде, в каком оно существовало в Сибири со времени начала российской аграрной колонизации, было фактически ликвидировано.

Параллельно с усилением давления на единоличников происходит некоторая либерализация налоговой политики в отношении колхозников, для которых устанавливаются более низкие налоговые ставки, более обширный набор льгот,

упрощается порядок взимания налогов. Заметно снизился уровень их денежного обложения. Подобный подход был призван, с одной стороны, побуждать единоличников вступать в колхозы, а с другой – улучшить достаточно тяжелое материальное положение колхозного крестьянства.

В 1935—1937 гг. в рамках реализации задачи организационно-хозяйственного укрепления колхозов власти пошли на снижение нормативных размеров хлебо-сдачи. Существенно сократились масштабы репрессивного обеспечения колхозных заготовок. Несмотря на то, что нормы сдачи зерна стали меньше, уровень податного обложения колхозов практически не снизился. Объяснение подобного парадокса заключается в постоянном увеличении объемов сельхозработ, выполняемых МТС. Их зависящая от уровня урожайности натуральная оплата «съедала» прибавку, которую хозяйства могли получить от уменьшения норм и расценок. Переобложение колхозов и связанный с этим низкий уровень оплаты труда их членов тормозили развитие сельской экономики, темпы роста которой оставались крайне медленными.

В конце 1930-х гг. произошла очередная смена вектора налогово-податной политики государства. В это время готовящаяся к тотальной войне правящая верхушка страны начала новый виток индустриализации, а точнее, милитаризации экономики. Ресурсы для нее, как и прежде, было решено взять в деревне. В связи с этим власти пошли на существенное увеличение ее обложения. За счет новых видов сельхозпродуктов (маслосемян, льна, конопли, табака, махорки, овощей, сена, кожсырья, овечьего молока, яиц) расширилась система обязательных поставок. Произошел переход от расчета объемов поставок по площади посева или поголовью скота к их исчислению с каждого гектара закрепленных за колхозами сельскохозяйственных угодий. Для повышения размеров натуроплаты был пересмотрен порядок определения урожайности колхозной нивы, которая теперь стала устанавливаться непосредственно на поле перед началом уборки (т.н. биологический метод). Повысились ставки подоходного налога с колхозов, который в 1936 г. заменил для них сельскохозяйственный.

К уплате натуральных податей и денежных налогов стали привлекаться ранее освобожденные от них личные подсобные хозяйства проживающих на селе рабочих и служащих. На них, а также на колхозников распространялись принципы обложения, ранее применяемые только по отношению к единоличникам. Существенно возросли ставки сельскохозяйственного налога. Налоговое давление на ЛПХ помимо пополнения казны было призвано привести к сокращению его размеров и вынудить крестьян с большей отдачей работать на колхозных полях и фермах.

Возросший налоговый пресс оказал негативное влияние на экономику колхозов и привел к сокращению размеров личных хозяйств сельских жителей. В результате сибирская деревня вошла в Великую Отечественную войну разоренной и ослабленной.

В первые годы Великой Отечественной войны тяжесть налогово-податного бремени продолжала увеличиваться. Ужесточились меры принуждения к исполнению налогов и податей. Вводился ряд новых денежных и натуральных сборов (сдача в хлебный и мясной фонды Красной Армии, гарнцевый сбор, который был отменен накануне войны, имеющие подушный характер военный налог и налог на одиноких и малосемейных граждан). В форме принимаемых регионами, районами и хозяйствами «повышенных социалистических обязательств» по сдаче сельхозпродуктов (прежде всего хлеба) была фактически реанимирована ранее осужденная система «встречных» планов. Существенно возросла роль платежей и сборов, формально относимых к категории добровольных – госзаймов, лотерей, сдачи денег и сельхозпродуктов в фонды обороны, помощи освобожденным районам, инвалидам войны и т.п. Стабилизация тяжести налогового прессы произошло лишь в конце войны.

Ускорить восстановление разоренной войной сельской экономики могло облегчение ее налогово-податного обложения. В начале 1946 г. ряд шагов в этом направлении был сделан. Отменялись некоторые из введенных во время войны натуральных и денежных сборов (военный налог, сдача в хлебный и мясной фонды Красной Армии). Многие колхозы получили скидки от нормативных размеров обязательных поставок. Заметно снизились ставки сельхозналога.

Однако уже летом 1946 г. давление на сибирскую деревню вновь возросло. В условиях сильного неурожая в ряде регионов страны правящий режим существенно увеличил заготовительные планы для более урожайных районов и, в частности, для Сибири. Выполнение завышенных планов по-прежнему обеспечивалось административными и судебными репрессиями. При этом власти активно использовали инструменты принуждения, которые вводились на время войны, но так и не были отменены после ее окончания.

Наступление на колхозы продолжалось и в последующие годы. В 1947 г. увеличились расценки натуроплаты за работы МТС, а на экономически более развитые хозяйства переложили часть обязательств по поставкам со слабых хозяйств, которые их практически никогда не выполняли. С 1948 г. проводилось ежегодное увеличение нормативных размеров обложения животноводства. В 1948 г., а затем в 1951 г. в сторону повышения пересматривались ставки подоходного налога с колхозов. Повышенный подоходный налог тяжелым бременем лег на колхозную экономику.

В 1948 г. началась очередная кампания по ограничению размеров приусадебных хозяйств, в рамках которой существенно выросли ставки сельхозналога. Рост налога, как и прежде, привел к сокращению размеров личных хозяйств. Вследствие этого произошло снижение налогооблагаемой базы и общей суммы налоговых поступлений. Для компенсации потерь сталинский режим в 1950 г., а затем в 1951 и 1952 гг. вновь пошел на повышение ставок сельхозналога. Другим способом увеличения размеров налогово-податного изъятия, которым правящий режим активно пользовался в конце 1940-х – начале 1950-х гг., являлось расширение контингента плательщиков за счет лиц, ранее имевших налоговые льготы, а также снижение размеров оставшихся льгот.

Несущая на себе перманентно растущее налогово-податное бремя деревня в начале 1950-х гг. пребывала в состоянии крайней нищеты. Сельскохозяйственное производство при этом топталось на месте. Для преодоления аграрного кризиса пришедшие к власти после смерти И.В. Сталина руководители Советского государства приняли решение снизить тяжесть обложения деревни. Проведенные ими меры способствовали организационно-

хозяйственному укреплению колхозов, улучшению материального положения жителей деревни и стимулировали расширение производства сельскохозяйственной продукции. Однако для решения всех накопившихся на селе проблем необходимы были более радикальные преобразования.